

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ № 00485

Народного комиссара Внутренних дел СССР Н. Ежова о начале кампании политических репрессий в отношении лиц польской национальности

1 августа 1937 г.

г. Москва

Совершенно секретно

Рассылаемое вместе с настоящим приказом закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР, а также материалы следствия по делу «ПОВ» вскрывают картину долголетней и относительно безнаказанной диверсионно-шпионской работы польской разведки на территории Союза.

Из этих материалов видно, что подрывная деятельность польской разведки проводилась и продолжает проводиться настолько открыто, что безнаказанность этой деятельности можно объяснить только плохой работой органов ГУГБ и беспечностью чекистов.

Даже сейчас работа по ликвидации на местах польских диверсионно-шпионских групп и организаций «ПОВ» полностью не развернута. Темп и масштаб следствия крайне низкие. Основные контингенты польской разведки ускользнули даже от оперативного учёта (из общей массы перебежчиков из Польши, насчитывающей примерно 15 000 человек, учтено по Союзу только 9 000 человек. В Западной Сибири из находящихся на её территории около 5 000 перебежчиков учтено не более 1 000 чел. Такое же положение с учётом политэмигрантов из Польши. [...])

Недостаточно решительная ликвидация кадров польской разведки тем более опасна сейчас, когда разгромлен московский центр «ПОВ» и арестованы многие активнейшие его члены. Польская разведка, предвидя неизбежность дальнейшего своего провала, пытается привести, а в отдельных случаях уже приводит в действие свою диверсионную сеть в народном хозяйстве СССР и в первую очередь на его оборонных объектах.

В соответствии с этим основной задачей органов ГУГБ в настоящее время является разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация не затронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки «ПОВ» и основных людских контингентов польской разведки в СССР.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 20 августа 1937 года начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций «ПОВ» и прежде всего её диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, совхозах и колхозах.

Вся операция должна быть закончена в 3-месячный срок, т.е. к [20] ноября 1937 года.

2. Аресту подлежат:

- а) выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены «ПОВ» по прилагаемому списку;
- б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;
- в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР;
- г) политэмигранты и политобменные из Польши;
- д) бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий;

е) наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов.

3. Операцию по арестам провести в две очереди:

а) в первую очередь подлежат аресту перечисленные выше контингенты, работающие в органах НКВД, в Красной Армии, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, в электросиловом хозяйстве всех промышленных предприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах;

б) во вторую очередь подлежат аресту все остальные, работающие в промышленных предприятиях необоронного значения, в совхозах, колхозах и учреждениях.

4. Одновременно с развертыванием операции по арестам начать следственную работу.

Основной упор следствия сосредоточить на полном разоблачении организаторов и руководителей диверсионных групп, с целью исчерпывающего выявления диверсионной сети.

Всех проходящих по показаниям арестованных шпионов вредителей и диверсантов – НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ.

Для ведения следствия выделить специальную группу оперативных работников.

5. Все арестованные по мере выявления их виновности в процессе следствия – подлежат разбивке на две категории:

а) первая категория, подлежащая расстрелу, к которой относятся все шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки;

б) вторая категория, менее активные из них, подлежащие заключению в тюрьмы и лагеря сроком от 5 до 10 лет.

6. На отнесенных в процессе следствия к первой и второй категории каждые 10 дней составляются списки с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного, которые направляются на окончательное утверждение в НКВД СССР.

Отнесение к первой или второй категории на основании агентурных и следственных материалов производится Народным Комиссаром Внутренних Дел республики, начальником УНКВД области или края, совместно с соответствующим прокурором республики, области, края.

Списки направляются в НКВД СССР за подписью Народного Комиссара Внутренних Дел республики, начальников УНКВД и Прокурора соответствующих республик, края и области.

После утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором Союза приговор немедленно приводится в исполнение, т.е. осуждённые по первой категории – расстреливаются и по второй – отправляются в тюрьмы и лагеря, согласно нарядов НКВД СССР.

7. Прекратить освобождение из тюрем и лагерей оканчивающих срок заключения осуждённых по признакам польского шпионажа. О каждом из них представить материал для рассмотрения на Особое совещание НКВД СССР.

8. Всю работу по разгрому «ПОВ» и всех остальных контингентов польской разведки умело и обдуманно использовать для приобретения новой агентуры по польской линии. При отборе агентуры особо тщательное внимание обратить на меры, обеспечивающие органы НКВД от проникновения в сеть двойников – агентов польской разведки.

Списки всех намеченных к вербовке агентов с исчерпывающей характеристикой на них направлять на утверждение начальника ГУГБ НКВД тов. ФРИНОВСКОГО.

9. О ходе операции телеграфно доносить каждые 5 дней, т.е. 1, 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца.

п.п. Народный Комиссар Внутренних
Дел СССР, Генеральный Комиссар
Государственной Безопасности

Подпись

Ежов

ЦАО МБ РФ. Ф.66. Подлинник. Машинопись.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

**к Оперативному приказу № 00485 Народного комиссара Внутренних дел СССР
Ежова Народным Комиссарам Внутренних дел союзных республик,
начальникам Управлений НКВД автономных республик, областей и краев «О
фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной и террористической
деятельности польской разведки в СССР»**

11 августа 1937 г.

Совершенно секретно

НКВД Союза вскрыта и ликвидируется крупнейшая и, судя по всем данным, основная диверсионно-шпионская сеть польской разведки в СССР, существовавшая в виде так называемой Польской организации войсковой (ПОВ). Накануне Октябрьской революции и непосредственно после нее Пилсудский создал на советской территории свою крупнейшую политическую агентуру, возглавлявшую ликвидируемую сейчас организацию, а затем из года в год систематически перебрасывал в СССР под видом политэмигрантов, обмениваемых политзаключенных, перебежчиков многочисленные кадры шпионов и диверсантов, включавшихся в общую систему организации, действовавшей в СССР и пополнявшейся здесь за счет вербовки среди местного польского населения.

Организация руководилась центром, находившимся в Москве – в составе Уншлихта, Муклевича, Ольского и других, и имела мощные ответвления в Белоруссии и на Украине, главным образом в пограничных районах и ряде других местностей СССР.

К настоящему времени, когда ликвидирована в основном только головка и актив организации, уже определилось, что антисоветской работой организации были охвачены – система НКВД, РККА, Разведупр РККА, аппарат Коминтерна, прежде всего Польская секция ИККИ, Наркоминдел, оборонная промышленность, транспорт, преимущественно стратегические дороги западного театра войны, сельское хозяйство.

Активная антисоветская работа организации велась по следующим основным направлениям:

1. Подготовка, совместно с левыми эсерами и бухаринцами, свержения Советского правительства, срыва Брестского мира, провоцирование войны РСФСР с Германией и сколачивание вооруженных отрядов интервенции (1918 г.).
2. Широкая всесторонняя подрывная работа на Западном и Юго-Западном фронтах во время советско-польской войны с прямой целью поражения Красной Армии и отрыва УССР и БССР.
3. Массовая фашистско-националистическая работа среди польского населения СССР в целях подготовки базы и местных кадров для диверсионно-шпионских и повстанческих действий.
4. Квалифицированная шпионская работа в области военной, экономической и политической жизни СССР, при наличии крупнейшей стратегической агентуры и широкой средней и низовой шпионской сети.
5. Диверсионно-вредительская работа в основных отраслях оборонной промышленности, в текущем и мобилизационном планировании, на транспорте, в сельском хозяйстве; создание мощной диверсионной сети на военное время как из числа поляков, так и, в значительной степени, за счет различных непольских элементов.
6. Контактное и объединение диверсионно-шпионских и иных активных антисоветских действий с троцкистским центром и его периферией, с организацией правых предателей, с белорусскими и украинскими националистами на основе совместной подготовки свержения Советской власти и расчленения СССР.
7. Прямой контакт и соглашение с руководителем военно-фашистского заговора, предателем Тухачевским в целях срыва подготовки Красной Армии к войне и для открытия нашего фронта полякам во время войны.
8. Глубокое внедрение участников организации в компартию Польши, полный захват в свои руки руководящих органов партии и польской секции ИККИ, провокаторская работа по разложению и деморализации партии, срыв единого и народного фронта в Польше, использование партийных каналов для внедрения шпионов и диверсантов в СССР, работа, направленная на превращение компартии в придаток пилсудчины с целью использования ее влияния для антисоветских действий во время военного нападения Польши на СССР.
9. Полный захват и парализация всей нашей разведывательной и контрразведывательной работы против Польши и систематическое использование проникновения членов организации в ВЧК-ОГПУ-НКВД и Разведупр РККА для активной антисоветской работы.

Основной причиной безнаказанной антисоветской деятельности организации в течение почти 20 лет является то обстоятельство, что почти с самого момента возникновения ВЧК на важнейших участках противопольской работы сидели проникшие в ВЧК крупные польские шпионы – Уншлихт, Мессинг, Пиляр, Медведь, Ольский, Сосновский, Маковский, Логановский, Баранский и ряд других, целиком захвативших в свои руки всю противопольскую разведывательную и контрразведывательную работу ВЧК-ОГПУ-НКВД.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДЫ ВНЕДРЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ АГЕНТУРЫ В СССР

Польская организация войскова возникла в 1914 г. по инициативе и под личным руководством Пилсудского как националистическая организация активных сторонников борьбы за независимость буржуазной Польши, вышколенных в боевых организациях польской социалистической партии (ППС), на которую, главным образом, опирался Пилсудский, и в специальных военных школах, создававшихся им для подготовки костяка будущей польской армии. Эти школы создавались Пилсудским в 1910-1914 гг. в Галиции, где они носили полуконспиративный характер и пользовались субсидиями и практическим содействием со стороны разведывательного отдела австро-венгерского генерального штаба.

Еще до империалистической войны в распоряжении Пилсудского находился ряд офицеров австро-венгерской разведывательной службы, обучавших пилсудчиков военному делу, а также технике разведки и диверсии, так как кадры, образовавшие несколько позднее ПОВ, предназначались для действий в союзе с австро-германской армией на тылах русских войск и для комплектования польских легионов в предвидении войны с царской Россией.

Поэтому уже тогда, помимо территории царской Польши, члены ПОВ посылались в Россию, вербовались здесь на месте, исходя из принципа создания своих организаций где только можно, преимущественно в крупных городах, для учета и мобилизации своих людей в целях связи и разведки. Одновременно ПОВ являлась орудием для политической мобилизации Пилсудским сил, участвующих под его руководством в борьбе за независимость Польши. В связи с этим ПОВ тайно проникла во все польские политические партии, от крайних левых до крайних правых, всюду вербуя активных деятелей этих партий в свои ряды на базе признания непререкаемости авторитета и личной воли Пилсудского и идеи борьбы за великодержавную Польшу в границах 1772 г.

По этой линии ПОВ еще с довоенных лет накапливала богатую практику внутрипартийной и межпартийной провокации, являющейся основным методом пилсудчины в ее борьбе с революционным движением. Во главе ПОВ тогда находился центральный штаб, носивший название Коменданачельна (сокращенно КН), который руководил деятельностью местных пилсудчиковских организаций, носивших то же название, с добавлением порядкового номера, например, в Белоруссии – КН-1, на Украине – КН-3 и т.д. Каждая из этих местных команд представляла собой областной территориальный округ ПОВ, делящийся на местные комендатуры ПОВ, количество которых на данной территории определялось в зависимости от местных условий и задач, преследуемых пилсудчиной в данном районе. В конце 1918 г. в связи с образованием Польши, возглавленной Пилсудским как единоличным диктатором со званием начальника государства, главное командование ПОВ в полном составе влилось в генеральный штаб Польши и образовало разведывательный отдел штаба. В период временного отстранения Пилсудского от власти в Польше (1922-1926) главное командование ПОВ, в целом устраненное тогда эндеками из правительственных органов Польши и только частично сохранившее все влияние в разведывательном отделе генерального штаба, продолжало свою диверсионно-разведывательную работу на территории СССР независимо от официальных органов польской разведки и подготавливало новый приход к власти Пилсудского.

После так называемого майского переворота 1926 г., снова приведшего Пилсудского к власти, руководящая головка и актив ПОВ заполнили собой всю государственную верхушку и фашистский правительственный аппарат Польши; значительная же часть актива ПОВ сохранилась в подполье для борьбы с революционным движением в Польше методами провокации и революционной инспирации, а также, главным образом, для нелегального внедрения различными путями в СССР.

Деятельность конспиративной организации Пилсудского на нашей территории значительно активизируется в 1917 г., когда в связи с событиями империалистической войны в различных пунктах нашей страны скопились значительные квалифицированные кадры приближенных Пилсудского из среды военнопленных легионеров (легионы Пилсудского, сформированные ПОВ, входили в состав австро-венгерской армии) и беженцев с территории царской Польши, оккупированной тогда немцами.

Таким образом, уже ко времени Октябрьской революции Пилсудский имел в России значительные кадры участников ПОВ как из среды местного польского населения, так, главным образом, из среды поляков, эвакуированных из Польши. Поскольку, однако, основные кадры ПОВ времен империалистической войны состояли из людей, более или менее известных своими открытыми польско-патриотическими убеждениями, и учитывая победоносный рост влияния большевистской партии, Пилсудский летом 1917 г. предпринял специальные вербовочные меры для проникновения в РСДРП (большевиков). В этих целях, по личному указанию Пилсудского, его приближенные развернули широкую вербовочную работу среди польских социал-демократов и в ППС-левице, позднее слившихся и образовавших компартию Польши. В течение 1917 г. находившиеся тогда в Москве и Петрограде члены центрального руководства ПОВ: Пристор (впоследствии польский премьер-министр), Пужак (секретарь ЦК МПС), Маковский (член московского комитета ППС, впоследствии пом. нач. КРО ОГПУ, и резидент ИНО ОГПУ по Польше), Голувко, Юзефовский (волынский воевода), Матушевский (позднее начальник 2-го отдела польского генерального штаба) – вовлекли в ПОВ ряд польских социал-демократов и членов ППС-левицы, проникших позднее на видные посты в советский государственный аппарат: Уншлихта (бывший зам. пред. ОГПУ и РВС), Лещинского (секретарь ЦК Компартии Польши), Долецкого (руководитель ТАСС), Бронковского (зам. нач. Разведупра РККА), Муклевича (нач. морских сил РККА, зам. наркома оборонной промышленности), Лонгву (комкор, нач. управления связи РККА) и ряд других, образовавших в 1918 г. московский центр ПОВ и возглавивших руководство всей деятельностью ПОВ на территории СССР.

Одновременно, в начале 1918 г., Пилсудский дал директиву ряду персонально подобранных членов ПОВ, состоявших в ППС и находившихся в СССР, внедриться в советский государственный аппарат посредством инсценировки своего разрыва в ППС и перехода на советские позиции. К числу таким способом внедрившихся в советскую систему польских агентов относятся: бывший член Московского комитета ППС Логановский М.А. (перед арестом зам. парткома пищевой промышленности), Маковский, Войтыга (проникшие в КРО и ИНО ОГПУ-НКВД), Баранский (начальник отделения ИНО ОГПУ-НКВД) и ряд других. Стремясь захватить в свои руки нашу разведывательную и контрразведывательную работу против Польши, Пилсудский, наряду с внедрением в ВЧК указанных выше членов ПОВ, предпринимает в течение 1919-1920 гг. и в последующее время ряд мер к внедрению в ВЧК высококвалифицированных кадровых разведчиков – офицеров 2-го отдела польского главного штаба, которые при содействии Уншлихта, Пиляра, Мессинга, Медведя и других крупных польских агентов проникли на руководящие должности в советской разведке и контрразведке.

Так, И.И. Сосновский (перед арестом зам. нач. Управления НКВД по Саратовской области), являвшийся в 1919 г. эмиссаром Пилсудского и резидентом 2-го отдела польского главного штаба на территории Советской России, получил тогда директиву начальника 2-го отдела майора Матушевского внедриться в аппарат ВЧК. Используя свой арест особым отделом ВЧК летом 1920 г., Сосновский, при содействии Пиляра, инсценировал свой разрыв с польской разведкой и ПОВ, руководящим деятелем которой он являлся, выдал с разрешения

2-го отдела ППП ничтожную часть своей сети и внедрился на работу в центральный аппарат ВЧК. Вскоре же Сосновскому удалось внедрить в ВЧК целую группу крупных польских офицеров-разведчиков: подполковника 2-го отдела польгенштаба Витковского (занимавшего должность начальника польского отделения особого отдела ВЧК, перешедшего затем на работу в Наркомтяжпром), Кияковского (нач. англо-романского отделения КРО ВЧК), Роллера (перед арестом нач. Особого отдела Сталинского края), Бжезовского (зам. нач. Особого отдела Украины) и др. Ряд других членов ПОВ, начиная с Бронковского, проникшего при содействии Уншлихта на должность зам. нач. Разведупра РККА, внедрились во всю систему Разведупра, захватили в свои руки и парализовали всю разведывательную работу против Польши (Будкевич – нач. отдела и заграничный резидент, Жбиковский, Шеринский, Фирин, Иодловский, Узданский, Максимов и др.).

Одним из видов использования этих крупных польских шпионов на заграничной работе ИНО и Разведупра была широкая подставка двойников в состав наших резидентур за границей. В дальнейшем посредством инсценировок провалов подставленные разведкой двойники перебрасывались в СССР для шпионско-диверсионной работы.

На ответственные руководящие посты в Красной Армии в разное время проникли и работали польские агенты: Уншлихт – зам. пред. РВС, Муклевич – нач. морских сил, Лонгва – нач. Управления связи РККА, Коханский – комкор, Козловский – комиссар ряда частей и многие другие польские агенты, проникшие в самые различные части РККА.

Основной кадр польских агентов, проникших в Наркоминдел, создал работавший в нем в период 1925-1931 гг. Логановский, причем и здесь польская агентура концентрировалась на участке работы НКВД, связанной с Польшей (референтами по Польше были шпионы Морштын, Кониц), и ряде других важнейших направлений (полпред Бродовский, полпред Гайкис, полпред Карский).

Захватив с давних пор руководящие органы компартии Польши и польскую секцию ИККИ в свои руки, ПОВ систематически перебрасывала своих участников – шпионов и диверсантов – в СССР под видом политических эмигрантов и обмениваемых политзаключенных, специально инсценируя аресты и осуждения членов ПОВ, проникших в компартию. Независимо от ПОВ метод переброски шпионов в СССР под видом политэмигрантов широко использовался польской политической полицией (дефензивой), имеющей в компартиях Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии значительные по количеству кадры своей провокаторской агентуры из среды польских, белорусских, украинских националистов, проникших в различные революционные организации.

Одновременно различные органы польской разведки (преимущественно местные аппараты 2-го отдела Польшглавштаба – виленская и львовская экспозитуры, пограничные разведывательные пункты – разведпункты, политическая полиция тыловых и пограничных районов Польши) систематически, в массовом масштабе, перебрасывают в СССР шпионов и диверсантов под видом перебежчиков.

Преступные цели своего прибытия в СССР эти перебежчики прикрывали различными мотивами и предлогами (дезертирство с военной службы, бегство от полицейского преследования, от безработицы – в поисках заработка, для совместного проживания с родственниками и т.д.).

Как сейчас выясняется, польские шпионы и диверсанты, перебрасываемые в СССР под видом перебежчиков, несмотря на наличие у них самостоятельных путей связи с Польшей, в ряде случаев связывались на нашей территории с участниками ПОВ, действовали под их руководством, а масса перебежчиков в целом являлась для организации источником активных кадров. Ряд квалифицированных польских шпионов, переброшенных в СССР под видом перебежчиков – солдат, дезертировавших из польской армии, оседали в Саратовской области, где действовали польские агенты Пиляр и Сосновский. Политэмигранты и перебежчики образуют костяк диверсионной сети поляков в промышленности и на транспорте, комплектуя диверсионные кадры из среды местных националистов-поляков. Что наиболее важно, за счет самых различных непольских, глубоко законспирированных антисоветских элементов. Организацию ПОВ на Украине возглавлял Лазоверт (Госарбитр УССР), под руководством которого находился частично ликвидированный в 1933 г. центр ПОВ на Украине (Скарбек, Политур, Вишневицкий), а в Белоруссии – Бенек (наркомзем БССР), который, так же, как и Лазоверт, являлся участником московского центра ПОВ с 1918 г.

ПОДГОТОВКА АНТИСОВЕТСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

Первый этап активной деятельности ПОВ в Советской России включает в себя действия, направленные в начале 1918 г. к срыву Брестского мира и подготовке вместе с бухаринцами и левыми эсерами антисоветского переворота, с целью втянуть Советскую Россию в продолжение войны с Германией, поскольку к тому времени Пилсудский уже переориентировался на Атланту (Антанту?) и направлял деятельность своих организаций по директивам французского штаба. Члены организации – Уншлихт, Лещинский и Долецкий, вместе с Бухариным и левыми эсерами разработали план ареста Совнаркома во главе с Лениным. В этих целях Пестковский, по поручению Уншлихта, установил связь с представителем французской разведки в Москве генералом Лявернь и руководством левых эсеров; Бобинский сколачивал вооруженные отряды для участия в левоэсеровском восстании; в польских частях, сохранившихся от времени Керенского, велась работа по подготовке их провокационного военного выступления против немецких войск на демаркационной линии.

Потерпев неудачу в осуществлении плана антисоветского переворота и возобновления войны с Германией, московская организация ПОВ, действуя по директивам Лявернья и нелегально прибывшего на советскую территорию адъютанта Пилсудского – видного члена ПОВ Венявы-Длугошевского, переключилась на подготовку интервенции против Советской России, создавая под видом формирования польских частей Красной Армии свою вооруженную силу.

Сформировавшаяся в конце 1918 г. так называемая Западная стрелковая дивизия, укомплектованная преимущественно поляками, была в своей командной головке целиком захвачена членами ПОВ (комдивы Маковский и Лонгва, комиссары Лазоверт и Славинский, комбриги Маевский и Длусский, комиссары бригад Сцибор, Грузель и Черницкий, командиры полков – все без изъятия были членами ПОВ), создававшими группы ПОВ в различных частях дивизии.

ПОРАЖЕНЧЕСКАЯ РАБОТА В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Основным полем деятельности московской организации ПОВ с начала 1919 г. становится Западный фронт, где организация, используя пребывание ряда своих участников на руководящих постах в штабе фронта (Уншлихт – член РВС фронта, Муклевич – комиссар штаба фронта, Сташевский – начальник разведывательного отдела штаба фронта, Будкевич – комиссар штаба 16-й армии), в Особом отделе фронта (Медведь, Ольский, Поличкевич, Чацкий), в правительственных органах Белоруссии (Циховский – председатель ЦИКа Литбелреспублики), широко развернула работу, направленную к поражению Красной Армии и облегчению захвата поляками Белоруссии.

Первым, наиболее крупным актом деятельности организации на фронтах была сдача Вильно полякам, совершенная Уншлихтом, захватившим в свои руки руководство обороной Литбелреспублики. В различных частях Западного фронта организация сконцентрировала значительное количество своих сторонников. Собрал их из различных местностей страны под видом мобилизации поляков-коммунистов на фронт, насадила своих людей в различные советские учреждения фронта и возглавила работу местной организации ПОВ в Белоруссии (КН-1), созданной поляками независимо от московского центра. В дальнейшем, во время советско-польской войны, организация под руководством Уншлихта не только снабжала польское командование всеми важнейшими сведениями о планах и действиях нашей армии на Западном фронте (Уншлихт передал полякам план наступления на Варшаву), но проводила планомерную работу по влиянию на оперативные планы фронта в нужном для поляков направлении и развернула широкую диверсионно-повстанческую работу на тылах Западного фронта.

В свете установленных сейчас следствием фактов совершенно несомненно, что ликвидируемая организация ПОВ во главе с Уншлихтом сыграла крупную роль в деле срыва наступления Красной Армии на Варшаву.

ФАШИСТСКАЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА СРЕДИ ПОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР

В период гражданской войны, наряду с диверсионно-повстанческой деятельностью, широкую националистическую работу среди местного польского населения вели созданные независимо от московского центра ПОВ местные организации ПОВ в Белоруссии (КН-1), на Украине (КН-3), в Сибири и других местах.

После окончания советско-польской войны местные организации ПОВ перестраиваются в соответствии с условиями мирного времени, и руководство всей их антисоветской деятельностью сосредоточивается в московском центре ПОВ, который развернул широкую, ведущуюся до сих пор, фашистскую националистическую работу среди польского населения СССР.

Особенно активно с конца 1920 г. начинается широкое внедрение польской агентуры на руководящие посты всей системы партийно-советских учреждений по работе среди польского населения СССР и использование этой системы для проведения работы ПОВ.

Члены ПОВ Гельтман и Нейман проникают на должности секретарей польбюро при ЦК ВКП(б), Вноровский, Вонсовский, Мазепус – в польбюро ЦК КП(б) Белоруссии, Скарбек, Лазоверт и другие – в польбюро ЦК КП(б) Украины, Домбаль – редактором газеты «Трибуна Радзецка» в Москве, Принц и Жарский – редакторами польской газеты в Минске, другие члены ПОВ захватывают руководство в редакциях польских газет на Украине, в польсекциях Наркомпросов, польские издательства, техникумы, школы и клубы в различных местностях СССР.

Пользуясь по своему служебному положению правом распределения кадров, Гельтман и Нейман направляли из Москвы членов ПОВ, прикрывавшихся партбилетами, на партийную, культурно-просветительную, педагогическую, хозяйственную работу в самые различные районы СССР, где только есть польское население, не только на Украину, в Белоруссию и Ленинград, но и на Урал, в Сибирь, ДВК – где польская разведка ведет активную, не вскрытую до сих пор работу в контакте с японской разведкой.

Свое внедрение в эту систему партийно-советских учреждений организация активно использовала для создания местных низовых групп ПОВ и разворачивания широкой шовинистической и полонизаторской работы, продолжающейся до сих пор и имеющей своей целью подготовку прежде всего диверсионно-повстанческих кадров и вооруженных антисоветских выступлений на случай войны.

Эти же цели преследовались созданием под воздействием ПОВ польских национальных сельсоветов и районов в пограничной полосе, зачастую в местностях с меньшинством польского населения, что также обеспечивало ПОВ одну из возможностей полонизаторской работы среди украинцев и белорусов – католиков.

Свое проникновение в систему советско-партийных учреждений по работе среди польского населения ПОВ широко использовала для проведения всесторонней шпионской работы через свою массовую агентуру в различных местностях страны.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКОЙ ТРОЦКИСТСКОЙ И ИНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В своей практической диверсионной, шпионской, террористической и пораженческой работе на территории СССР польская разведка широко использует, прежде всего, троцкистских наймитов и правых предателей.

В 1931 г. Уншлихт и Муклевич, связавшись с антисоветским троцкистским центром в лице Пятакова, а затем и с Каменевым, договорились с ними о совместной вредительской подрывной работе членов ПОВ и троцкистов-зиновьевцев в народном хозяйстве страны и, в частности, в военной промышленности. В сентябре 1932 г. Уншлихт вошел в контакт также с центром правых предателей, получив согласие Бухарина на объединение диверсионно-вредительской работы правых и ПОВ. Наконец, в 1933 г., с ведома Пятакова, Уншлихт связывается с изменником Тухачевским, получает от него информацию о его сношениях с германскими фашистами и договаривается с ним о совместных действиях, направленных к ликвидации Советской власти и реставрации капитализма в СССР. Уншлихт договорился с Тухачевским о снабжении последним польской разведки важнейшими шпионскими сведениями по РККА и об открытии полякам нашего Западного фронта в случае войны.

Все местные организации ПОВ вели антисоветскую работу в теснейшей связи с троцкистами, правыми и различными антисоветскими националистическими организациями на Украине, в Белоруссии и других местах.

ШПИОНСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В СССР

Независимо от шпионской работы своей низовки, московский центр ПОВ осуществлял, вплоть до ликвидации, систематическое снабжение польской разведки всеми важнейшими сведениями о военном, экономическом и политическом положении СССР, включая оперативно-мобилизационные материалы штаба РККА, к которым Уншлихт, Муклевич, Будкевич, Бронковский, Лонгва и другие участники московского центра имели доступ по своему служебному положению. Параллельно этому московским центром ПОВ и резидентами 2-го отдела ПГШ велась крупная вербовка шпионов из среды непольских элементов. Уншлихт, например, в 1932 г. завербовал для польской разведки начальника Артиллерийского управления РККА Ефимова и получал от него исчерпывающие сведения о состоянии артиллерийского вооружения Красной Армии. Другой участник московского центра ПОВ – Пестковский провел ряд вербовок в Коминтерне, научных институтах и других учреждениях, причем вербовал большей частью неполяков непосредственно для польской разведки, как таковой, и только в некоторых случаях прямо в ПОВ, поскольку варшавский центр санкционировал организацию включать в отдельных случаях в ПОВ также и непольские элементы (русских, украинцев). Крупную шпионскую сеть в Наркоминделе создал Логановский.

Особенно большую вербовочную работу провели резидент 2-го отдела ПГШ И. Сосновский и его заместитель по резидентуре подполковник 2-го отдела В. Витковский. Сосновский завербовал и использовал для польской разведки пом. нач. Разведупра РККА Карина (оказавшегося немецким агентом с 1916 г.), пом. нач. Разведупра РККА Мейера, помощника прокурора СССР Прусса, зам. нач. Дмитровского лагеря НКВД Пузицкого и ряд других лиц, занимавших ответственные должности в РККА, ОГПУ-НКВД и центральных правительственных учреждениях.

В. Витковский, внедренный Сосновским в ВЧК в 1920 г., был позднее переброшен для шпионской работы на транспорте и руководящих органах народного хозяйства, где он ко времени ареста создал крупную диверсионно-шпионскую сеть, состоявшую преимущественно из специалистов. Серьезным накатом проникновения в Красную Армию польской шпионской агентуры, сохранившейся в ней до сих пор, была существовавшая в Москве с 1920 по 1927 гг. так называемая школа Красных коммунаров (именовавшаяся перед расформированием Объединенной военной школой им. Уншлихта).

Эта военная школа, особенно в первый период своего существования, комплектовалась за счет поляков, направляющихся в нее, главным образом, польским бюро при центральных и местных партийных органах. Проникшие в польбюро члены ПОВ направляли в школу участников организации, а также кадровых агентов польской разведки, оставшихся в СССР под видом не желающих возвращаться в Польшу военнопленных периода советско-польской войны или прибывших под видом перебежчиков; в самой же школе существовала крепкая группа ПОВ, проводившая самостоятельную вербовочную работу. Школа готовила командный состав пехотной, кавалерийской и артиллерийской специальностей, направлявшийся в самые различные части РККА, куда, естественно, попадали и оканчивавшие школу польские шпионы.

Связь с Варшавой осуществлялась организацией регулярно, с применением самых различных и многообразных способов. В СССР систематически приезжали видные представители варшавского центра ПОВ и 2-го отдела Польглавштаба, которые связывались здесь с Уншлихтом, Пестковским, Сосновским, Витковским, Бортновским и др. Эти представители приезжали в СССР под разными официальными предлогами (в качестве дипкурьеров, для ревизий польских дипучреждений, по коммерческим делам), под личными прикрытиями (в качестве туристов, для свидания с родственниками, транзитом, а также нелегально). Специально для постоянной связи с Сосновским и Ольским в составе польского военного атташе в Москве находились командированные из Варшавы приближенные к Пилсудскому офицеры 2-го отдела ПГШ Ковальский и Кобылянский, встречи с которыми были легализованы путем проведения фиктивных вербовок их Ольским и Сосновским для ОГПУ. Ряд членов организации имел конспиративную связь с польским военным атташе в Москве и другими членами посольской резидентуры (Висляк, Будкевич, Домбал, Науискайтис, Кобиц и др.).

Другие участники ПОВ, пробравшиеся на должности, дававшие им возможность официальных встреч с составом иностранных посольств, пользовались этими встречами для разведывательной связи (Логановский – на официальных приемах, Морштын – по работе в НКВД, Пестковский – в различных польско-советских комиссиях и т.д.).

Члены организации, находившиеся на заграничной, советской официальной или негласной работе, связывались там с представителями ПОВ и 2-го отдела ПГШ (Логановский, Баранский и др. в Варшаве, Боржозовский Г. – в Финляндии, Чехословакии и Японии, Лещинский – в Копенгагене, Будкевич – во Франции и т.д.).

Наконец, у ряда крупных резидентов (Сосновский, Пестковский) существовали сложные шифры и пароли для связи. Через все эти каналы связи в Варшаву систематически передавались все добываемые шпионские сведения и информация о деятельности организации, а из главного центра ПОВ и 2-го отдела ПГШ получались денежные средства и директивы о направлении активной деятельности организации.

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ И ДИВЕРСИОННАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР

Сразу же после окончания гражданской войны польская разведка через московский центр ПОВ и по другим параллельным линиям начала вредительскую работу, направленную в первый период к срыву восстановления промышленности СССР.

В 1925 г. приехавший в Москву представитель варшавского центра ПОВ М. Сокольницкий передал Уншлихту директиву об усилении вредительской работы, дополненную вскоре указанием о переходе к диверсионным действиям. В соответствии с этими директивами московский центр ПОВ развернул и осуществлял вплоть до своей ликвидации широкую диверсионно-вредительскую деятельность, направленную к подрыву обороноспособности СССР. Ряд виднейших членов ПОВ был внедрен в руководящие органы РККА и РККФ, а также в гражданские учреждения, ведавшие вопросами обороны страны (штат РККА, Управление военно-морских сил, сектора обороны, транспорта и

металлургии Госплана СССР, Главморпром и др.). В 1925 г. при штабе РККА был сформирован военно-экономический отдел Мобилизационного управления. На руководящую работу в этот период был внедрен член ПОВ Ботнер С., являвшийся одновременно участником действовавшей на военно-научном участке польской шпионско-вредительской группы Горбатюка.

Совместно с последним Ботнер С.О. развернул в Мобупре штаба РККА серьезную вредительскую работу, рассчитанную на подготовку поражения Советского Союза в предстоящей войне. Так, при разработке мобилизационных проблем группа посредством перенесения центра внимания на вопросы обеспечения тыла вредительски срезала заявки самой армии на военное время как якобы завышенные. Сроки мобилизационного развертывания промышленности удлинялись до года и более, что, по существу, оставляло ряд предприятий не подготовленными к обороне. Разрешение вопросов обеспечения Красной Армии военной техникой и усовершенствования последней систематически срывались.

В 1927 г. был создан сектор обороны Госплана СССР, которому принадлежит крупнейшая роль в деле подготовки обороны страны, мобилизации промышленности и транспорта. Чтобы захватить в свои руки этот важнейший участок, московский центр ПОВ внедрил на руководящую работу в сектор обороны Госплана сначала упомянутого выше Ботнера, а затем, при его и Уншлихта содействии, туда проникли члены ПОВ: Колесинский В.А., Муклевич Анна, Шеринский Заслав и др., а в 1931 г. и сам Уншлихт, занимавший пост зам. председателя Госплана СССР. Эти лица, в свою очередь, вовлекли вновь в организацию ряд ответственных работников сектора обороны.

В своей практической деятельности организация стремилась прежде всего подорвать развитие военной промышленности. Первоначально члены организации открыто выступали против строительства военных заводов под прикрытием того, что это дорого и непосильно, вредительски рекомендуя военное производство налаживать в гражданской промышленности. В этой своей деятельности Уншлихт, Колесинский, Ботнер и другие блокировались с антисоветской троцкистской группировкой Смилги в ВСНХ.

В дальнейшем от рискованных открытых выступлений против военного строительства организация перешла к более замаскированным методам подрыва советской оборонной базы. При проработке в секторе обороны Госплана СССР планов капитального строительства военной промышленности члены организации умышленно распыляли средства по многим строительным объектам и не обеспечивали нужными средствами решающие стройки. В результате строительство военных заводов растягивалось на длительные сроки, создавалась некомплектность в мощности отдельных цехов, поощрялась практика беспроектного строительства.

В этом отношении особенно характерен срыв строительства и реконструкции снаряжательных заводов, направленный, в сочетании с другими вредительскими действиями, к созданию снарядного голода на время войны. В ряде районов, например на Урале, были построены только снарядные заводы, снаряжательные же отсутствовали. Это приводило и приводит к тому, что производство корпусов снарядов находится на расстоянии нескольких тысяч километров от мест, где они могут получить снаряжение. В тех же случаях, когда строительство снаряжательных заводов все-таки велось, разворот его сознательно тормозился,

а обслуживающее снаряжательные заводы хозяйство (вода, пар, энергия, канализация) дезорганизовывалось.

Так же намеренно срывалось строительство и реконструкция заводов производства корпусов снарядов. Уншлихт, Колесинский, Ботнер в практическом контакте с троцкистской организацией в промышленности (Пятаков, Смилга, Ерман, Крожевский) намеренно запутывали мощьность этих заводов, затягивали их строительство и реконструкцию. Аналогичное положение имело место и с производством порохов. При проработке в секторе обороны Госплана плана строительства новых пороховых заводов Уншлихт, Колесинский, Ботнер принимали и проводили в жизнь вредительские установки Ратайчака, в частности расчеты мощностей по устаревшим нормам. Одновременно с этим вредительство шло по линии задержки строительства новых объектов (например, Алексинского порохового комбината Московской области), дезорганизации обслуживающего хозяйства пороховых заводов и срыва реконструкции старых пороховых заводов (Казанского-40, им. Косякова-44 и др.).

По линии планирования же организация проводила умышленное занижение планов потребности в металлах для военных заказов, давала ложные, заведомо преуменьшенные сведения о производственных мощностях военной промышленности, доказывая, что планы заказов военведа для военной промышленности невыполнимы, и максимально сокращала мобилизационные заказы военведа и НКПС, в результате чего из года в год росло недовыполнение программ оборонного строительства и недобор мобилизационных запасов. Планы обеспечения мобилизуемой промышленности рабочей силой вовсе не разрабатывались в течение ряда лет. Несмотря на дефицит в обеспечении военных производств цветными металлами в военное время, мероприятия по замене цветных металлов тормозились так же, как и развитие промышленности редких металлов.

Отдельные участки мобилизационной подготовки в секторе обороны Госплана СССР намеренно оставлялись заброшенными, в частности, мобилизационная подготовка в области здравоохранения и в области сельского хозяйства. Лично Уншлихт, при помощи завербованного им для польской разведки троцкиста Епифанова, провел значительную вредительскую работу в транспортном секторе Госплана СССР. Эти вредительские действия были направлены к дезорганизации завоза сырья на заводы, срыву выпуска готовой продукции и осуществлялись путем установления намеренно заниженных норм и показателей. Необходимый ремонт транспорта систематически срывался путем урезки заявок НКПС на металл. Ликвидация узких мест транспорта искусственно тормозилась путем вредительского распределения ассигнований при утверждении титульных списков капитальных работ на транспорте.

План мобилизационных перевозок на железнодорожном транспорте в течение длительного периода времени составлялся так, что с объявлением войны хозяйственные перевозки должны были почти вовсе прекратиться, что означало срыв мобилизации промышленности и нормальной жизни тыла страны.

Серьезнейшая вредительско-диверсионная работа была проведена в системе военно-морского флота и Главморпрома одним из руководителей ПОВ

Муклевичем Р.А. С момента своего назначения начальником морских сил РККФ в 1925 г. Муклевич начал энергично сколачивать антисоветские кадры для использования их в работе ПОВ. Муклевич привлек к вредительской работе своего заместителя зиновьевца Куркова П.И., входившего в антисоветскую организацию в морском флоте, и через него использовал эту группировку в интересах ПОВ.

Вредительская работа Муклевича во флоте началась с торможения строительства торпедных катеров, сторожевых кораблей и первой серии подводных лодок. Проектирование этих судов Муклевич поручил Игнатьеву, возглавлявшему группу вредителей в научно-техническом комитете. Утвержденные Реввоенсоветом сроки проектирования и строительства этих судов самовольно нарушались и изменялись. Заложенные на стапелях суда по несколько раз расклепывались и переключивались заново. Заказы на оборудование размещались несвоевременно и некомплектно.

Перейдя в 1934 г. на должность начальника Главморпрома, Муклевич и там сформировал вредительно-диверсионную организацию, не теряя одновременно контакта с антисоветской организацией в РККФ. Во вредительскую организацию в системе морского судостроения Муклевич вовлек более 20-ти руководящих работников судостроительной промышленности из числа троцкистов, зиновьевцев и антисоветски настроенных специалистов. С их помощью Муклевич развернул широкую вредительскую и диверсионную деятельность в Главморпроме и на заводах судостроительной промышленности. В результате этой деятельности задержаны строительство и сдача военному ряду судов и подводных лодок. В частности, путем задержки производства дизелей сорвана сдача в текущем году подводных лодок для Дальнего Востока. В подлодке «Малютка» вредительно увеличен габарит, лишаящий возможности перевозить ее по железной дороге. Сорвано строительство серийных эсминцев. На лидерах-эсминцах корпус корабля сделан слишком легким, что мешает использованию кормовой артиллерии. На крейсерах зенитная артиллерия размещена так, что не может быть одновременно введена в бой. Сорвана подготовка стапелей для закладки линкоров на Николаевских заводах. По договоренности с антисоветской организацией в РККФ испытание уже готовых кораблей систематически тормозилось, и они не вводились в строй.

Наряду с широким вредительством Муклевич подготовлял и диверсионные акты. Так, в частности, по указанию Муклевича члены организации в промышленности морского судостроения Стрельцов и Бродский должны были организовать вывод из строя больших стапелей Балтийского судостроительного завода. Эту диверсию намечено было осуществить либо путем устройства замыкания электрических проводов, которые в большом количестве имеются на окружающих стапелях лесах, либо путем организации взрыва. Однако осуществить эту диверсию Муклевичу не удалось.

Также подготовлялся вывод из строя ряда крупных военных заводов в Ленинграде, в том числе часть агрегатов Кировского завода, помощник директора которого, Лео Марковский, также являлся членом ПОВ.

Диверсионные группы на крупнейших авиационных (завод-22, Пермский авиазавод и др.) и артиллерийских заводах (им. Молотова, «Баррикады», Тульский, киевский «Арсенал»), в химической промышленности были созданы Логановским, Будняком, Артамоновым, Баранским и др.

Крупнейшую базу для диверсионной сети в промышленности составляют перебежчики и эмигранты из Польши, осевшие преимущественно на Урале и в Сибири. Поскольку, однако, за последние годы велась чистка основных оборонных предприятий от этих категорий, польская разведка и ПОВ в целях создания особо законспирированной диверсионной сети вербовала различные непольские элементы, работающие в оборонной промышленности и не разоблаченные до сих пор.

Диверсионная работа польской разведки на транспорте концентрировалась преимущественно на железных дорогах западного театра войны и Сибирской магистрали, главным образом на Уральском участке, с целью отрезать Дальний Восток от центральной части Союза. Однако вскрытие польских диверсионных групп на транспорте до сих пор совершенно не развернуто.

В ряде случаев, в целях проверки готовности созданной на военное время диверсионной сети, организация производила в ряде мест диверсионные акты. Так, участник организации ПОВ в Днепропетровской области Вейхт, по директиве украинского центра ПОВ, произвел диверсионный акт на Каменской электростанции, при котором станция была полностью уничтожена.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ

По директивам из Варшавы Уншлихт, Пестковский, Маковский, Домбаль, Висляк, Матушевский и другие, вместе с троцкистами, вели подготовку центральных террористических актов. Так, например, Матушевский создал в аппарате московской милиции группу ПОВ, вовлек в нее вместе с Шипровским (быв. секретарь парткома милиции) большое количество работников милиции (в том числе и неполяков), проводивших свою подрывную деятельность на различных участках милицейской службы (наружная служба, связь, охрана метро, комвуз милиции). По директивам Домбаля Матушевский и Шипровский готовили центральные террористические акты, используя нахождение участников группы на охране объектов, посещаемых членами правительства.

Завербованный Сосновским в Саратове польский агент Касперский (редактор областной газеты «Коммунист») входил в состав троцкистской организации, был связан с саратовским краевым троцкистским центром и, наряду с участием в его диверсионно-вредительской работе (диверсионная группа на заводе комбайнов, свинцовых аккумуляторов, заводе 195 и др.), включился в подготовку центральных террористических актов. В деловом контакте с краевым троцкистским центром находились также Сосновский и Пиляр, сам участвовавший в подготовке террористических актов. Саратовская группа ПОВ, через того же Касперского, находилась в связи с антисоветской организацией правых в Саратове.

Ликвидируемый сейчас филиал ПОВ в Днепропетровской области вел подготовку центральных терактов совместно с троцкистско-зиновьевской организацией в Днепродзержинске, с которой контактировал также свою диверсионно-вредительскую работу. Наряду с террористической работой в настоящее время московский центр ПОВ имел директиву подготовить ряд боевых групп для совершения центральных террористических актов в момент военного нападения на СССР. Работу по созданию таких групп вел член московского центра ПОВ Пестковский.

ВРЕДИТЕЛЬСТВО В СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ И КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ

После окончания советско-польской войны основной кадр организации возвращается в Москву и, используя пребывание Уншлихта на должностях зампреда ВЧК-ОГПУ, а затем зампреда РВС, разворачивает работу по захвату под свое влияние решающих участков деятельности ВЧК-ОГПУ (Пиляр – нач. КРО ВЧК, Сосновский и его группа в КРО ВЧК, Ольский – пред. ГПУ Белоруссии, Ихновский – нач. ЭКУ ОГПУ, Медведь – председатель МЧК, позднее сменил Мессинга на посту ПП ОГПУ в ЛВО, Логановский, Баранский и ряд других в системе ИНО ВЧК-ОГПУ-НКВД) и Разведупра РККА (Бортновский и др.).

Работа организации в системе ВЧК-ОГПУ-НКВД и Разведупре РККА в течение всех лет направлялась, в основном, по следующим линиям:

1. Полная парализация нашей контрразведывательной работы против Польши, обеспечение безнаказанной успешной работы польской разведки в СССР, облегчение проникновения и легализации польской агентуры на территорию СССР и различных участках народно-хозяйственной жизни страны. Пиляр, Ольский, Сосновский и другие в Москве, Белоруссии; Мессинг, Медведь, Янишевский, Сендзиковский и другие в Ленинграде – систематически срывали мероприятия наших органов против польской разведки, сохраняли от разгрома местные организации ПОВ, предупреждая группы и отдельных членов ПОВ об имеющихся материалах, готовящихся операциях, консервировали и уничтожали поступающие от честных агентов сведения о деятельности ПОВ, заполняли агентурно-осведомительную сеть двойниками, работавшими на поляков, не допускали арестов, прекращали дела.

2. Захват и парализация всей разведывательной работы НКВД и Разведупра РККА против Польши, широкое и планомерное дезинформирование нас и использование нашего разведывательного аппарата за границей для снабжения польской разведки нужными ей сведениями о других странах и для антисоветских действий на международной арене.

Так, член ПОВ Сташевский, назначенный Уншлихтом на закордонную работу, использовал свое пребывание в Берлине в 1932 г. для поддержки Брандлера в целях срыва и разгрома пролетарского восстания в Германии, действуя при этом по прямым директивам Уншлихта.

Член ПОВ Жибковский, направленный Бронковским на закордонную работу Разведупра РККА, вел провокационную работу в целях осложнения взаимоотношений СССР с Англией. По директивам Уншлихта члены организации Логановский и Баранский использовали свое пребывание по линии ИНО в Варшаве в период отстранения Пилсудского от власти для создания под прикрытием имени ОГПУ диверсионных пилсудчиковских организаций, действовавших против тогдашнего правительства эндеков в Польше, и готовили от имени резидентуры ИНО провокационное покушение на французского маршала Фоша во время его приезда в Польшу в целях срыва установления нормальных дипломатических отношений между Францией и СССР.

3. Использование положения членов ПОВ в ВЧК-ОГПУ-НКВД для глубокой антисоветской работы и вербовки шпионов. Эмиссар Пилсудского и резидент 2-го отдела ПГШ И. Сосновский широко использовал свое положение в органах для

установления контакта с различными, преимущественно националистическими, антисоветскими элементами и возглавил их подрывную деятельность в Закавказье, Средней Азии и других местах.

Однако, едва ли не самый большой вред нанесла нам теория и практика пассивности в контрразведывательной работе, упорно и систематически проводившаяся польскими шпионами, проникшими в ВЧК-ОГПУ-НКВД. Пользуясь захватом в свои руки руководящих постов в нашем контрразведывательном аппарате, польские шпионы сводили всю его работу к узко оборонительным мероприятиям на нашей территории, не допускали работы по проникновению нашей контрразведывательной агентуры в центры иностранных разведок и других активно наступательных контрразведывательных действий.

Срывая и не допуская основного метода контрразведывательной работы, заключающегося в перенесении нашей борьбы против иностранных разведок на их собственные территории, польские шпионы в наших органах достигли такого положения, при котором советская контрразведка из органа, которому пролетарским государством поручена борьба против иностранных разведок и их деятельности в целом, была на ряд прошедших лет превращена в беспомощный аппарат, гоняющийся за отдельными мелкими шпионами. В тех же случаях, когда попытки контрразведывательного выхода за кордон делались, они использовались польской разведкой либо для внедрения своей крупной агентуры в СССР (дело Савинкова), либо для установления контакта с деятельностью антисоветских элементов и их активизации (дело Москвича-Боярова, проф. Исиченко и др.).

ПРОВОКАТОРСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В КОМПАРТИИ ПОЛЬШИ

Проникновение крупной польской агентуры в компартию Польши, польскую секцию ИККИ и в аппарат Коминтерна предопределилось тем обстоятельством, что при образовании в конце 1913 г. компартии Польши в ее руководство автоматически включился ряд крупных членов ПОВ, ранее состоявших в ППС-левице и польской социал-демократии, объединившихся при образовании компартии.

Независимо от этого, руководящая головка ПОВ на протяжении всех последующих лет систематически внедряла свою агентуру в ряды компартии посредством различных провокационных мероприятий, одновременно вербовала новую агентуру из числа националистически настроенной интеллигенции, примкнувшей к коммунистическому движению, продвигала эту агентуру в руководящие органы партии в целях ее разложения и использования в своих интересах, и широко использовала политэмиграцию и обмен политзаключенными для массового внедрения своей агентуры в СССР.

Примером крупнейшей политической провокации пилсудчины является созданная ПОВ в 1919 г. так называемая оппозиция ППС, руководство которой, во главе с Жарским, Лянде-Витковским, Витольдом Штурм де Штремом, состояло из крупнейших провокаторов-поляков. Имея первоначально своей задачей не допустить отход революционизирующихся элементов от ППС к компартии, оппозиция, не будучи в состоянии удержать под своим влиянием рабочие массы, отколовшиеся от ППС в 1920 г., влилась вместе с ними в компартию Польши и захватила там ряд руководящих постов.

Другим, наиболее крупным, актом широкой политической провокации уже внутри компартии Польши со стороны пилсудчиков, проникших в ее руководство, является использование влияния компартии в массах во время майского переворота Пилсудского в 1926 г., когда эти провокаторы выдвинули и осуществили политику поддержки компартией пилсудчиковского переворота. Предвидя, что та часть членов ПОВ, проникших в руководство компартии Польши и прямо работавших над использованием компартии для содействия пилсудчиковскому перевороту (Барский, Костржева, Краевский, Лян-де-Витковский), будет этим скомпрометирована и отстранена от руководства, ПОВ держала в резерве другую группу членов ПОВ (во главе с Лещинским), которая внешне находилась в стороне от содействия перевороту 1926 г. и предназначалась для захвата руководства КПП после провала группы Барского.

После майского переворота, в целях отвлечения рабочих масс от противодействия установлению Пилсудским нового фашистского режима и для ослабления и разложения компартии изнутри, ПОВ разработала и провела план широкой фракционной борьбы между группой Лещинского (т.н. меньшинство в КПП) и группой Барского – Костржевы (т.н. большинство). Обеим группам ПОВ удалось втянуть в фракционную борьбу партийные массы и надолго парализовать работу партии.

В итоге руководство партией удалось захватить группе ПОВ, возглавляемой членом московского центра ПОВ Лещинским, сосредоточившим свою работу над дальнейшим разложением партии и торможении революционного движения в Польше.

В последние годы все усилия варшавского и московского центров ПОВ в отношении их работы внутри компартии Польши были направлены к срыву единого и народного фронта в Польше и главным образом к подготовке использования компартии для антисоветских действий во время военного нападения Польши на СССР. В этом направлении Уншлихтом и Лещинским велась специальная работа по использованию партийных каналов для службы связи польской разведки во время войны, и был разработан план ряда политических провокационных мероприятий (предъявление ультиматумов Коминтерну и ВКП(б) от имени компартии Польши о неприкосновенности польской независимости, выпуск антисоветских воззваний к рабочему классу Польши, раскол партии и т.д.). Начиная с 1920 г. и особенно широко после майского переворота, ПОВ использует каналы компартии и польской секции Коминтерна, в которую проникли такие крупные члены ПОВ, как Сохацкий-Братковский, Лещинский, Прухняк, Бергинский, Бронковский и ряд других, – для систематической широкой переброски в СССР диверсионно-шпионской агентуры различного масштаба под видом политэмигрантов и политзаключенных. Так, под видом политзаключенных в СССР были переброшены польские шпионы Пиляр, Будзинский, Науискайтис, Высоцкий, Домбаль, Белевский; в качестве политэмигрантов – Висляк, Генрих Ляуэр (руководил сектором металлургии Госплана СССР), Здзярский, Генриховский, Бжозовский и многие десятки и сотни других шпионов, проникших на самые различные участки государственного аппарата, промышленности, транспорта и сельского хозяйства СССР.

Не только одна компартия Польши использовалась как прикрытие для шпионов и диверсантов. Агентура польской разведки перебрасывалась в СССР также и под

прикрытием принадлежности к компартиям Западной Белоруссии, Западной Украины и других революционных организаций, в самое возникновение которых польская разведка включалась в провокационных целях. Так, например, существовавшая в свое время т.н. Белорусская громада – массовая крестьянская организация в Западной Белоруссии – была активно использована польской разведкой и фашистской организацией белорусских националистов, существующей в Вильно, для разгрома крестьянского движения в Западной Белоруссии и переброски своей агентуры в СССР.

Такая же массовая организация как независимая крестьянская партия (незалежна партия хлопска) в коренной Польше была создана крупнейшим провокатором – офицером 2-го отдела ПГШ Воевудским специально для перехвата движения революционизирующегося польского крестьянства и также использования для переброски агентуры в СССР под видом крестьянских деятелей, спасающихся от полицейского преследования. Все материалы следствия по настоящему делу с исчерпывающей несомненностью доказывают, что подавляющее, абсолютное большинство т.н. политэмигрантов из Польши являются либо участниками ПОВ (выходцы из коренной Польши, в том числе польские евреи), либо агентами 2-го отдела ПГШ или политической полиции (поляки, украинцы, белорусы и др.).

АНТИСОВЕТСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В БЕЛОРУССИИ И ДРУГИХ МЕСТНОСТЯХ СССР

Организация ПОВ в Белоруссии, возглавлявшаяся в последнее время членом московского центра ПОВ Бенеком, членами минского центра ПОВ Вонсовским, Клысом, кроме того, по многим каналам руководимая Пиляром, Сосновским, Гельманом, Домбалем, установила органические связи с организацией белорусских национал-фашистов, троцкистским подпольем и антисоветской организацией правых, в результате чего в Белоруссии существовал единый антисоветский заговор во главе с Червяковым, Голодедом, Бенеком. Объединенное подполье развернуло в Белоруссии широкую вредительскую и разрушительную работу, увязанную с военными планами польско-немецких генеральных штабов.

Подрывной работой объединенного подполья были поражены все отрасли народного хозяйства Белоруссии: транспорт, планирование, топливно-энергетическое хозяйство, строительство новых предприятий, все отрасли легкой промышленности, сельское хозяйство, строительство совхозов.

На протяжении нескольких последних лет объединенное подполье, путем искусственного распространения инфекционных заболеваний (менингит, анемия, чума), провело большую работу по уничтожению поголовья свиней, конского

поголовья в Белоруссии, в результате чего только за один 1936 г. было уничтожено по БССР свыше 30 тыс. лошадей.

В процессе своей работы по подготовке захвата БССР поляками объединенное подполье выдвинуло и попыталось осуществить вредительский проект осушения полесских болот, являющихся естественным препятствием против наступательных действий польской армии. В то же время Домбаль, проводивший разработку проектов Большого Днепра во вредительском духе, включил в план работы прорытие в Белоруссии глубоководного канала, предназначенного для открытия доступа военным судам поляков на советскую территорию.

Одновременно с вредительской работой в сельском хозяйстве БССР объединенное подполье вело активную работу по подготовке повстанческих кадров и вооруженного антисоветского восстания, широко практикуя различные методы искусственного возбуждения недовольства населения против Советской власти (планомерные перегибы при проведении различных хозяйственных кампаний на селе, переобложение, незаконные массовые конфискации за неуплату налогов и т.д.).

Осуществляя связь с Польшей по многим каналам (через московский центр ПОВ, Минское польское консульство, виленский центр белорусских национал-фашистов со 2-м отделом ПГШ непосредственно), объединенное подполье вело в БССР всестороннюю шпионскую работу, имея ряд своих связей в частях Белорусского военного округа и в контакте с военно-фашистской группой изменника Тухачевского, в лице участника этой группы Уборевича. По прямому поручению Зиновьева троцкист Гессен организовал из участников объединенного подполья террористическую группу, которая готовила покушение против т. Ворошилова во время его пребывания в Минске осенью 1936 г.

Свою работу по ликвидации руководящей головки антисоветского объединенного подполья в Белоруссии НКВД БССР развернул на основе минимальных данных, полученных в начальной стадии следствия в Москве, и передопроса арестованных ранее белорусских национал-фашистов, показав этим умелое оперативное использование небольших исходных данных для разгрома организующих сил врага.

Совершенно неудовлетворительно шла до сих пор работа по ликвидации ПОВ в ДВК, Сибири, Свердловской и Челябинской областях и на Украине. Имея в период 1933-1935 гг. исключительно большие возможности для вскрытия псовяцкого подполья (аресты группы Скарбека, Стасяка-Конецкого), аппарат НКВД Украины не развернул тогда следствия до необходимого предела полного разоблачения деятельности ПОВ на Украине, чем и воспользовался сидевший тогда в Особом отделе центра шпион Сосновский для провокации провала вообще.

Рассылая при этом сборники протоколов допросов Уншлихта и других арестованных, предлагаю ознакомить с настоящим письмом всех начальников оперативных отделов ГУГБ и руководящих работников третьих отделов.

П.п. Народный Комиссар внутренних дел СССР,
генеральный комиссар государственной безопасности

Н. Ежов

Верно: оперсекретарь ГУГБ НКВД СССР комбриг

Ульмер

Архів Управління МВС України Харківської області. Колекція документів. Арк. 89 136. Копія. Машинопис. Опубліковано: Полянський А.І. Ежов. Історія залізничного сталінського наркома. М., 2001. С.341-376.